

УДК 308+303

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАШЕСТВИЕ

И. Ю. Заринов

Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
izarinov@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует проблему изучения феноменов этноса и этничности в контексте сравнительного анализа отечественной теории этноса и западной концепции этничности. Их многолетняя оппозиция на фоне изменения отечественной идеологии с социалистической на буржуазную привела к доминированию конструктивистской модели понимания феномена этнического. Обосновывается вывод, что в ней монопольную позицию занял антропологизм, претендующий на исследование любых социально-культурных проблем современного общества. Нынешняя попытка группы ученых защитить теоретические достижения отечественных этнографов / этнологов наталкивается на устоявшийся стереотип мышления, сложившийся в постсоветское время.

Ключевые слова: антропология (физическая, социально-культурная), этнография / этнология, социум, историзм, теория этноса, концепция этничности, этнополитика.

Для цитирования: Заринов, И. Ю. (2023). Антропологическое нашествие. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 155-167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167

ANTHROPOLOGICAL INVASION

I. Yu. Zarinov

Institute of Ethnology and Anthropology of RAS (Moscow)
izarinov@yandex.ru

Abstract. The author of the article explores the problem of studying the phenomena of ethnicity and ethnic identity based on the analysis of the national theory of ethnicity and the Western concept of ethnicity. Their long-term opposition against the background of the change of the national ideology from socialist to bourgeois led to the dominance of the constructivist model of understanding the phenomenon of “ethnic” in society. Anthropologism has taken a monopoly position in it, claiming to study any socio-cultural problems of modern society. The current attempt by a group of scientists to defend the past theoretical achievements of domestic ethnographers / ethnologists comes across an established stereotype of thinking that developed in the post-Soviet era.

Keywords: anthropology (physical, socio-cultural), ethnography / ethnology, society, historicism, ethnic theory, the concept of ethnicity, ethnopolitics.

For citation: Zarinov, I. Yu. (2023). Anthropological Invasion. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 155-167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167

Проблематизируя заявленную тему, целесообразно оттолкнуться от важных положений не потерявшей своей актуальности статьи «Этнография и культурная / социальная антропология на Западе» Ю. П. Аверкиевой [Аверкиева, 1971] – ученицы выдающегося американского антрополога Франца Боаса. Даная работа как нельзя лучше проливает свет

на процессы, происходившие в истории западной антропологии, которая стала позиционировать себя в качестве таковой далеко не сразу, а в результате долгих поисков самой себя (своего предмета) среди других социальных наук, в частности: истории, этнографии, этнологии, социологии и культурологии. В контексте обсуждаемой проблемы целесообразно воспроизвести несколько значимых выводов и фрагментов из указанной статьи.

Антропология на Западе в качестве научной дисциплины появилась под именем «этнология», но фактически занималась этнографическими исследованиями. Эта научная дисциплина уже при своем рождении поставила себе цель изучения человека во всех его проявлениях. Последовательно одно за другим возникли этнологические общества в Париже, Нью-Йорке и Лондоне (1839, 1842, 1843). «Вторжение» в этнологию термина «антропология» было связано с расколом Лондонского этнологического общества и возникновением отделившегося от него Антропологического общества (1863). Формальной причиной раскола стали разногласия по проблеме рабства (этологи были его противниками, отделившаяся часть под знаменем антропологии оправдывала его). Однако в 1871 г. оба общества слились под названием Антропологический институт Великобритании и Ирландии. С этого времени за антропологической наукой закрепилось понимание ее как дисциплины о физическом строении человека вместе с его социальной сущностью [Там же, с. 9]. Физическая (биологическая) антропология еще не имела статуса самостоятельной научной дисциплины, что произошло позже с ростом ее востребованности и возрастания роли социальной (Англия) и культурной (США) антропологий.

«Идейной основой понимания антропологии как универсальной науки о человеке и его деятельности является философский антропологизм, выдвигающий на передний план проблемы человеческой сущности, рассматривающий общество как производное естественных особенностей, потребностей и устремлений человека. Этот антропологизм был характерен для взглядов многих философов XVIII–XIX вв., называвших антропологией общую науку о человеке. Материалисты и идеалисты по-разному трактовали принципы антропологизма. Одни в расовых особенностях народов (антропосоциология) искали оправдание социального неравенства, рабства и эксплуатации. Другие (Спиноза, Дидро, Гольбах, Оуэн, Фейербах) придавали антропологизму революционную гуманистическую направленность, осуждая частную собственность, эксплуатацию как явления, не соответствующие человеческой сущности» [Там же, с. 9]. Здесь важным тезисом является указание на то, что антропологизм развел по разные стороны баррикад представителей идеалистического и материалистического понимания человека и общества¹. Возникает так называемый *философский антропологизм*, основной ошибкой которого, по мнению Ю. П. Аверкиевой, «... было понимание человека как биологического существа с абстрактной извечно данной и неизменной сущностью. Марксизм, как известно, последовательно развивает учение о человеке как существе общественном, о детерминированности сущности человека его общественным бытием» [Там же, с. 9-10].

Отсюда можно сделать вывод, в котором раскрывается сущность расхождения отечественной теории этноса и западной концепции этничности. Первая строит свое понимание человека и общества на принципах исторического материализма, вторая

¹ В дальнейшей истории и по сей день главенствует первая точка зрения, воплотившаяся в концепции этничности, но, главным образом, в одном из ее течений – конструктивизме.

основывается на принципах философского антропологизма, на основе которого «... пытаются создать философскую антропологию, как некую “гуманистическую” социально-философскую систему. Эту систему пытаются противопоставить якобы “антигуманистическим” традициям марксистской философии» [Там же, с. 10]².

Теперь самое главное, на чем я постоянно делаю акцент, говоря о парадигмальной сути западной социально-культурной антропологии в контексте взгляда ее адептов на человека и общество. В нем превалирует социологический подход и в меньшей степени заметен подход историко-культурный, свойственный этнографии / этнологии, хотя полностью отождествлять английских социальных антропологов с социологами было бы неверно. Этот вопрос Ю.П. Аверкиева трактует таким образом: «Особую актуальность приобрел за последнее время вопрос о соотношении социальной антропологии и социологии. Американские этнографы, полемизируя с английскими, нередко называли их просто социологами (*И в этом они действительно правы*. Примеч. автора). Англичане не возражали против этого и не раз подчеркивали, что социальная антропология – это часть социологии, занимающаяся изучением примитивных обществ. Это различие социальной антропологии как науки о первобытности и собственно социологии, изучающей современные общества, широко распространено среди социологов и этнографов различных стран. Особенно отчетливо это прозвучало на VI Международном социологическом конгрессе, где проблемой соотношения социологии и этнологии была занята специальная рабочая группа. В Скандинавских странах социальная антропология является частью социологии и обособлена от этнографии. В нашей социологической литературе мы нередко встречаемся с полным отождествлением западных социальных антропологов с социологами. Думается, что это неверно. Большинство социальных антропологов Англии и других стран по характеру своих исследований являются все же скорее этнографами, в нашем понимании, чем социологами. Это признавал в свое время Р. Лоуи: “Я принимаю британских социальных антропологов, – писал он, – за подлинных этнографов, за ученых, целиком посвятивших себя изучению важного аспекта культуры”» [Там же, с. 14]. Можно предположить, что именно эта, пусть даже слабая, склонность британской социальной антропологии к исторической этнографии, в конце концов, способствовала объединению ее с американской культурной антропологией. По-моему, однако, в уже объединенной социально-культурной антропологии социологический аспект все-таки превалирует над культурологическим³. Поэтому, может быть, в названии самой науки «социальное» находится на первом месте (*Но скорее всего это произошло случайно и произвольно*. Примеч. Автора).

На вопрос о том, чего должно быть больше в этнографии: истории или социологии, Ю.П. Аверкиева отвечает следующим образом: «В настоящее время много говорится и пишется о соотношении этнографии и истории. Трактовка соотношения и границ между этнографией и историей зависит от определений, даваемых учеными истории как науке, от их понимания ее предмета и методов исследования. Так называемая “историческая” школа, господствовавшая в американской этнографии с конца XIX в. до 1930-х гг. и нередко

² В действительности все наоборот: учение Маркса, как никакое другое, преследует гуманистические принципы понимания исторического, социального и культурного развития человека и общества в целом.

³ Об этом свидетельствует особое внимание конструктивистов к социологической составляющей в их трактовке феномена этничности.

называемая “школой Боаса”, понимала историю как прослеживание диффузии отдельных черт культуры и заимствование их одними народами у других (так понималась история и диффузионистской культурно-исторической школой в Европе). Эта школа называла себя “исторической”, и в этом отношении была очень близка “исторической” школе права [Там же]. Однако, по словам Аверкиевой, «... ее антиисторизм убедительно был показан К. Марксом. Понимание истории как науки, изучающей ход исторических событий лишь у народов, имеющих письменность, породило представление о существовании народов “исторических”, т. е. имеющих историю, и народов “доисторических”. Разграничение наук в связи с этим было довольно простым: история – наука о народах исторических, этнография – о народах доисторических. Теперь уже часто в кругах западных исследователей появляются высказывания против деления народов на исторические и “доисторические”. Решающим фактором для подобной трансформации взглядов был выход на международную арену так называемых “доисторических” народов и выступления ученых, вышедших из среды этих народов. Различие между историками и этнографами видят сейчас прежде всего в характере источников, которыми они пользуются: историки – письменными источниками, этнографы же всецело полагаются на собранные ими в поле данные. В связи с этим полевая работа этнографов рассматривается как основа всей их деятельности (*И это справедливо, так как без конкретных полевых исследований этнография / этнология теряет свою предметную основу и, в конце концов, лишается своей научной специфики.*Примеч. Автора).

Появление в американской науке “этноистории” или “исторической этнологии” рассматривается многими учеными как яркое проявление сближения этнографии и истории. Одни понимают это сближение как “интеграцию структурного и исторического подходов” к пониманию культуры, как сочетание диахронного и синхронного методов исследования. Историки видят в этноистории историю в широком смысле, включающую в предмет исследования бесписьменные народы. Сами же этноисторики определяют этноисторию как метод изучения этнического развития того или иного народа на основе сочетания данных письменных источников с археологическими и этнографическими материалами. Бесспорно то, что этноисторики – это наиболее исторически ориентированные этнографы или культурные антропологи США» [Там же, с. 15].

Последний тезис бесспорно можно отнести к российской этнографии / этнологии, в которой принцип историзма, среди прочих, был всегда доминирующим. И он, таким образом, сближает отечественную науку о народах с американской культурной антропологией⁴. Этот факт подтверждает один из тезисов статьи Ю. П. Аверкиевой: «... Вся совокупность исследований “культурных антропологов” США позволяет сделать вывод, что американская “культурная антропология” ближе всего к этнографии в нашем понимании, и совершенно излишним представляется засорение нашей терминологии такими неверными по существу выражениями как “американская школа культурной антропологии” и что этнографы США – “представители школы культурной антропологии”. Очевидно, что это не школа, а в истории американской этнографии (или “культурной антропологии”) складывались различные школы» [Там же, с. 16]. Обобщая приведенные положения из статьи Ю. П. Аверкиевой, можно сделать следующий вывод: история развития западной

⁴Это подтверждает тот факт, что в критике теории этноса американские антропологи не были столь категоричны, как британские.

антропологии полна различных метаморфоз: от исторической этнографии поля к теоретической этнологии и, наконец, к социально-культурной антропологии, возникшей в результате объединения американской культурной и британской социальной антропологий. В принципе все эти ипостаси указывают на то, что исследовался один и тот же историко-социально-культурный феномен, каким является народ в обыденном его понимании, но в науке обозначаемый понятием-термином «этнос». То же самое, но лишь со своими нюансами происходило и в истории развития отечественной (русской, советской) этнографической / этнологической науки. Правда, с одной поправкой: в ней по сравнению с западным опытом, в котором доминировал прикладной принцип в работах так называемых «правительственных антропологов», работавших в колониальных странах, акцент делался на изучение народов и их культур в чисто научном, академическом аспекте. Именно поэтому и там и там складывалась разная концептуальная направленность в интерпретации фактического материала, получаемого в полевых исследованиях. Примером такого различия могут служить персонально Н.Н. Миклухо-Маклай, С.М. Широкогоров, С.П. Толстов, С.А. Токарев – с русско-советской стороны, и Э. Тайлор (Тэйлор), Б.К. Малиновский, Л.Г. Морган, Ф. Боас – с англо-американской стороны.

Различие научных стратегий в этнографических / этнологических исследованиях западных и отечественных специалистов еще больше усилилось в советское время, когда в России (СССР) господствовала идеология диалектического и исторического материализма. И главным образом оно наблюдалось в области теории и методологии этнонауки, которая на западе позиционировала себя уже в качестве социально-культурной антропологии. Ее появление в результате объединения американской культурной и британской социальной антропологии было не только делом времени, оно определялось и близостью их научной парадигмы, основанной на буржуазной идеологии развития человеческого общества. Следование этой парадигме сыграло решающую роль в переходе отечественных этнографов / этнологов от прежней идеологемы, присущей социальным наукам до распада Советского Союза, на рельсы западной социально-культурной антропологии. В какой степени этот процесс имел чисто научную составляющую, сказать трудно. Ясно только одно: состоялась попытка, и не безуспешная, объявить русско-советское наследие в области теории и методологии этнонауки якобы несостоявшимся, маргинальным и отставшим от общепризнанных достижений в мировой науке. В результате отечественная постсоветская этнография / этнология не только встроилась в качестве арьергарда в западную социально-культурную антропологию, но и приняла ее название. И теперь любые исследования социально-культурного содержания имеют в начале своего названия слово «антропология», что, по моему мнению, приводит к нарушению баланса между специализациями ряда общественных наук.

Определенным образом это явление отражено в моей монографии «Этнос и этничность. Ретроспективный взгляд на проблему» [Заринов, 2023], в которой отмечается, что в самой значительной степени антропологизм присутствует в конструктивистском направлении западной концепции этничности. В основе конструктивистского взгляда на этнический феномен почти полностью отсутствует историко-культурная основа этноса с его материально-духовной культурой и языком, зато превалирует социально-психологический аспект этничности, понимаемой ими как форма социальной организации культурных различий с границами, определяющими этнические группы с их

самоопределением на фоне отличая от других подобных групп. Таким образом, почти все исследования с этническим содержанием у представителей концепции этничности, особенно в лице конструктивистов, обрели форму антропологизма. Вот несколько примеров, когда тематика других дисциплин, в частности, этнографии / этнологии подается под рубрикой «Научные статьи раздела Антропология» [Научные статьи раздела Антропология ...]:

1. Шуляр Э. Ю. Татуировка народа айну на островах Сахалина и Хоккайдо.
2. Латышев К. И. Дискуссия на тему билингвизма на страницах украинской периодики.
3. Понедилок А. И. Суицид как вид разрушения личности (философско-религиозный анализ).
4. Стасив И. В. Загадочные геоглифы пустыни Сарыесик-Атырау Южного Прибайкалья.
5. Таранцова А. В. Современные представления о профессиональной компетентности, сущность термина «компетентность».
6. Коршнина Г. А. Татаро-мордовские взаимосвязи в обрядах, сопровождавших рождение ребенка.
7. Дыдров А. А. «Новояз» Англо-соц как форма «согласия».
8. Бобрихин А. А. Обрядовое моделирование жилого пространства.

Комментарии, как говорится, излишни. К социально-культурной и тем более физической антропологии выше приведенные темы исследований отнести трудно, даже с большой силой воображения. Повторюсь, это смешение жанров произошло в основном в постсоветское время, когда отечественные гуманитарные науки под влиянием идеологического наступления западной, в основном американско-британской социально-культурной антропологии, оказались в роли интерпретаторов ее основных теоретических и методологических концептов. И антропология, как наука о человеке, превратилась в нечто похожее на демиурга всего и вся.

Очень точно и аргументированно об этом говорит Ю. В. Попков, фиксируя доминирование антропологического дискурса, часто формального, в исследовании этнической тематики, что проявляется в наличии огромного количества форумов и публикаций, предметная область которых обозначается как антропология: от антропологии пола, телесности и повседневности до экономической, политической, юридической антропологии. «Практически любые проявления жизни, – продолжает он, – и не только отдельных людей, но также социальных групп и общества в целом, теперь рассматриваются под антропологическим прицелом. Правда, часто авторы не отдают себе отчет в том, правомерно ли их исследование именовать антропологическим, просто следуют заданной установке, современной “моде”» [Попков, 2023б, с. 15]. В этой связи автор статьи ставит закономерный вопрос: «А что же с традиционной отечественной этнографией?» И отвечает на него следующим образом: «Этнографические исследования продолжают проводиться, но они, можно сказать, не находятся в тренде. В качестве самостоятельного научного направления в российском социогуманитарном знании сохраняется также этносоциология, ориентирующаяся на анализ социального измерения этнической тематики. В определенном смысле можно говорить о ее некотором фрагментарном оживлении применительно к отдельным проблемным сегментам. Это произошло, например, после принятия в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики РФ. В частности, актуализирована потребность в отслеживании состояния межнациональных (межэтнических) отношений, а главное, акцентирована необходимость измерения уровня

общероссийской (гражданской) идентичности. Обеспечение высоких позитивных относительных (процентных) данных по этим позициям обозначено как достижение фундаментальных целевых показателей реализации Стратегии» [Там же].

Продолжая затронутую выше тему, необходимо сказать, что если в советское время национальная политика была отдана на откуп «истматчикам», как образно их назвал С. В. Чешко, – специалистам, близким к современным политологам, то теперь вопросами этой политики занимаются все, кому попало: социологи, культурологи, историки, психологи, и даже вездесущие журналисты. Но более всех, и видимо это правильно, оценка и прогнозирование национального развития любого общества, и российского в частности, находится в руках этнополитологов. Однако современная этнополитология несет на себе ту же печать антропологизма, тогда как национальная проблематика не может рассматриваться вне исторического контекста. Социально-культурная же антропология, как это видно из анализируемой статьи Ю. П. Аверкиевой, историзм, как метод своих исследований, если не исключала полностью, то использовала незначительно. Ее в основном интересовали социально-культурный и политический вопросы, поскольку исследования проводились преимущественно среди народов колониальных стран; и при наличии в них чисто научного (академического) аспекта превалировала все-таки прикладная составляющая, используемая в политических целях правящим классом метрополий, а если быть точнее, сначала феодальных, а затем буржуазных правительств⁵. Это повлияло на окончательное установление предмета западной этнографии / этнологии. Она в поиске между культурологией и социологией к последней трети двадцатого столетия выбрала преимущественно антропологический дискурс, охватывающий широчайший круг вопросов вокруг социального и культурного контекстов. Антропология, по словам, приписываемым великому структуралисту К. Леви-Стросу, – это наука о тотальном человеке. Антропологизм позволил избежать, если сравнивать с российско-советской этнографией / этнологией, появление таких научных смежных с этнологией дисциплин, как этносоциология, этнопсихология, этнополитика и других с приставкой «этно». Эти смежные с этнографией / этнологией дисциплины, существовавшие в прежней научной практике отечественных ученых, по сути «растворила» в себе социально-культурная антропология, теоретически оказавшаяся в центре западной концепции этничности и ставшая доминирующим направлением также среди большинства постсоветских этнографов и этнологов.

Проблеме оппозиции концепции этничности в отношении к отечественной теории этноса посвящена моя упоминавшаяся монография, в которой наряду со многими важными вопросами, касающимися феноменов этноса и этничности, рассматривается и проблема всеядности антропологии и ее заявке быть сквозной в социальных науках, что проявляется в последнее время в чем-то, вроде «моды» [Заринов, 2023]. В книге, в частности, показано, почему и как произошла кардинальная трансформация предметного поля и методологических оснований в изучении этнического феномена. Главное здесь – исключение из обращения «этноса» как базового понятия отечественной науки

⁵ В советское время национальная повестка тоже имела большое значение, особенно при создании СССР и его исчезновении. Ее недооценка в позднее советское время сыграла одну из роковых причин распада Советского Союза.

и соответствующей теории, замена их соответственно на «этничность» и одноименную концепцию с принципиально разными методологическими основаниями и ориентирами. В свою очередь, это являлось следствием распада СССР и замены идеологии (с социалистической на буржуазную), что привело к диффамации всех сторон развития общества, в том числе в сфере науки [Заринов, 2023, с. 7]. Данный процесс подробно анализируется также Ю. В. Попковым [Попков, 2023а, с. 139-141].

Предвижу возражения типа: истинная наука находится вне идеологических принципов, являясь средством постижения истины. И деление ее в зависимости от социально-экономических и политических пристрастий ученого вряд ли допустимо. В идеале это возможно так и есть, если речь идет об естественных науках, но в области обществоведческих дисциплин мировоззрение исследователя, как подтверждает научная практика, играет важную роль. И его смена одного на другое – это сложный и болезненный процесс, неизвестно чем заканчивающийся. Но обычно и чаще всего он находится в орбите конъюнктурных причин. Данный факт, к сожалению, имел место в отечественном гуманитарном знании, и преимущественно в историко-социальных науках.

Стоит напомнить, что на универсализм в решении многих научных задач претендовала когда-то и этнология, что можно увидеть в заявлениях С. М. Широкогорова – ученого во многом предопределившего развитие теоретической этнологии. В какой-то момент он пришел «... к идее объединить такие науки, как физическая антропология, этнография и языкознание, синтезировав их в новое научное направление под названием “этнология”». Это, по его определению, «есть наука об этносе как форме, в которой развилось и живет человечество, т. е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека как вида, а, следовательно, его мышления и науки как результата мышления, и, таким образом, этнология является венцом знания человека» [Широкогородов 1923, с. 33]. Однако он, как ученый, постоянно сверявший свои теоретические воззрения на этнос с практикой своих полевых исследований среди тунгусо-маньчжурских народов, пришел к выводу, что «... классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точки зрения до настоящего времени еще не дали возможности построить согласованную схему. Быть может, ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимствованности их, этого и невозможно сделать вообще» [Там же, с. 46]. Другими словами, этнология, при всех ее заявках быть универсальной наукой в изучении человека и его общества, имеет в этом деле определенные пределы, что свойственно любому научному знанию. Оно, по-моему, должно избегать крайностей, как догматизма, так и релятивизма, особенно процветающего в новейшее время.

Именно ему свойственно, о чем говорилось выше, насаждать монополизм антропологии в любых научных исследованиях, посвященных истории, культуре, социальным связям и другим процессам, происходящим внутри народа (этноса) и за его пределами. Однако этому монополизму препятствует тип мышления, сохранившийся от прежних отечественных корифеев этнонауки. К примеру, таких, как М. Н. Могиланский, С. М. Широкогородов, С. П. Толстов, Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнов, В. И. Козлов, С. А. Токарев и многих других. Именно поэтому «... победоносного этнологического поворота в российском научном дискурсе не произошло, окончательного преодоления отечественной традиции в исследовании этнического феномена не случилось. Анализируемый процесс оказался противоречивым с ярко выраженными неоднозначными последствиями. Реальность демонстрирует сложное

переплетение разнообразных проявлений этнического: материальных и духовных, объективных и субъективных, устойчивых и подвижных, структурных и процессуальных и т.д. Только учет всего комплекса этих проявлений может привести к адекватному пониманию сущности рассматриваемого явления и оценки его истинной роли в современной общественной жизни» [Попков, 2021, с. 228]. Не могу не поддержать этого мнения. По сути этому же посвящена моя упомянутая монография, а также ряд других работ, среди которых особо стоит отметить книгу Р. А. Данакари «Этническое бытие (опыт философского и политического исследования)» [Данакари, 2015].

Несколько извлечений из нее считаю целесообразным сделать в контексте обсуждаемой темы. «... Абсолютизация постмодернистских концепций, – пишет автор, – привела к игнорированию базисной, философской составляющей этнической проблематики, методологической растерянности и теоретическому эклектизму, падению престижа фундаментальных, философских исследований в области этноса и этничности. Социальная практика современности и непрерывность, преемственность в развитии науки демонстрируют необходимость нового возвращения к более глубокой проработке теоретических и методологических проблем этноса и нации, что, естественно, является исключительно прерогативой философии» [Там же, с. 216]. И дальше: «Дискуссии по вопросам природы и сущности этноса и нации, которые периодически возобновляются в современной науке, являются спорами не терминологического свойства, а свидетельствуют о достаточной серьезности и глубине характера проблемы. В отличие от западной этнологии, отрицающей совместимость двух концептов, мы считаем, что формирование идеи нации как согражданства и концепции этнической нации является объективным процессом. Соперничество этих двух концепций действительно имеет место, но идея нации как согражданства не является универсальной и общепризнанной в мире. В XX веке в результате общественного развития сформировались два типа нации, уже не в виде концептуальной, а социальной реальности. Они проходили разными путями в России и европейских странах, приобрели особое значение в наши дни» [Там же]. И наконец, что представляется мне самым важным в оценке действительного положения вещей на «этническом фронте» в настоящее время: «Социально-философское исследование этнического бытия подтвердило значимость всех признаков этноса как субстанциональных и системообразующих элементов единой универсальной системы, где решающую роль играют и природно-биологические, и социокультурные, духовно-ментальные факторы. Одновременно выявлен механизм функционирования этнического бытия в процессе развития социальной системы. Установлено наличие достаточно сложной и противоречивой цепи взаимодействий между социальным и этническим, выявлены особенности доминирования каждого из них на различных этапах метаэволюционного и исторического процесса» [Там же, с. 318].

Однако, несмотря на существование лагеря обоснованных критиков ограничений и издержек этнического конструктивизма⁶, активно проповедующего явление, которое в данной работе метафорично названо «антропологическим нашествием», оно в настоящее время занимает все-таки доминирующее положение в этнонациональном дискурсе.

⁶ Осмелюсь назвать нескольких из них. Это ныне здравствующие: Ю. В. Попков, А. М. Кузнецов, С. А. Арутюнов, И. Ю. Заринов. И уже ушедшие от нас: Ю. И. Семенов, С. В. Чешко, В. Н. Басилов, В. И. Козлов, С. А. Токарев.

В отечественной научной практике антропологический тренд активно продвигается академиком В. А. Тишковым через публикацию своих книг [Тишков, 2001; Тишков, 2003] и статей [Тишков, 1994; Тишков, 2016], а также посредством участия в различных общественных и государственных структурах⁷.

Здесь необходимо сказать, что в противоположность позиции ученых социально-культурной антропологии не признавать достижения в области теории и методологии российско-советской этнографии / этнологии, ее ученые достаточно позитивно оценивали и оценивают теоретические взгляды своих оппонентов в этнонауке. Например, Ю. В. Попков пишет: «...Было бы наивно и даже глупо утверждать, что конструкты сознания не присутствуют в нашей жизни или что они не играют в ней значимой роли. В эпоху информационного общества, наличия мощных СМИ и глобальных сетей социальные конструкты не только имеют широкое распространение, но сплошь и рядом влияют на поведение отдельных людей, групп и целых сообществ. Это же относится к проблеме идентичности, которая в настоящее время превратилась в одну из главных тем в рамках многих научных направлений социогуманитаристики» [Попков, 2021, с. 228].

Если сравнивать российскую и западную традиции изучения этнического феномена, то их разницу четко выразил А. В. Головнев: «... главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии – универсальный человек» [Головнев, 2016, с. 61]. Однако с определенного времени, как показано выше, западный «универсальный человек» почти полностью заслонил собою российский «конкретный народ», так что почти любое исследование этнографо-этнологического контента в своей основе и названии имеет антропологический дискурс. Именно данное обстоятельство дает основание для названия данной статьи как «антропологическое нашествие».

Трюизм, который последует в выводах данной работы, необходим для того, чтобы объяснить нынешнюю монополию антропологии в социальных науках.

1. Наука, призванная изучать историю, культуру, коллективное сознание народов (этносов) в своем развитии поэтапно претерпевала различные трудности, в частности, в поисках своего предмета и соответственно своего имени. В ее основе было стремление людей узнавать территории близких соседей, а также постигать далекие пространства в путешествиях по Эйкумене. На основе этого стремления в глубокой древности возникло научное знание под названием «география» (гео – земля, графо – описываю). Но эти земли населялись различными культурными группами людей, организовывавшимися в определенное время (этногенез) в народы-этноты, изучение которых и легло в основу науки под названием «этнография». Развиваясь и совершенствуя свои методы исследований, а также постигая свой предмет, выходя на теоретическое обобщение, этнография приобретает новые горизонты изучения народа-этноты, получив название «этнология». В отечественной научной традиции уже в рамках этнологии (или теоретической этнографии) возникает теория этноты, объясняющая природу существования и развития народа-этноты в исторической перспективе. В зарубежной этнографии / этнологии состоялось ее превращение в социально-культурную антропологию, что подробно описано в статье Ю. П. Аверкиевой [Аверкиева, 1971].

⁷ В.А. Тишков является основателем и лидером отечественной научной школы интерпретивной социально-культурной антропологии, членом Президентского Совета, членом коллегии Министерства регионального развития, научных советов МИДа и Совбеза России.

2. Это превращение происходило, когда отечественная этнография / этнология также определяла свой предмет, и на начальном этапе этого процесса стояли такие ученые, как Н. И. Могилянский и С. М. Широкогоров, сформулировавшие понятие и термин – «этнос», которое стало научным эквивалентом многозначного и обыденного слова «народ». С этого момента этнос приобретает статус теоретической категории, на основе которой впоследствии возникает теория этноса, созданная коллективом советских ученых во главе с академиком Ю. В. Бромлеем.

3. Именно в это время стало очевидным различие научных стратегий отечественных и западных ученых в понимании этнического феномена в социуме. Отечественной этнографии / этнологии стала противостоять британо-американская социально-культурная антропология, которая с момента смены в России идеологии с социалистической на буржуазную нашла в ней своих сторонников. Произошел процесс встраивания некоторых из них в качестве арьергарда в западную социально-культурную антропологию. Заодно и название этнонауки в нынешней постсоветской России сменилось с этнографии / этнологии на социально-культурную антропологию. Именно этим можно объяснить, что почти любое исследование, имеющее социально-культурное содержание, сопровождается ныне в начале своего названия словом «антропология». В конце концов, антропология заполонила собой другие научные дисциплины, взяв на себя функции науки обо всем, что касается человека и общества. Так она лишила другие научные дисциплины их специализации, но более всего это коснулось этнографии и этнологии. Этнический конструктивизм взял на себя роль непререкаемого авторитета, как на Западе, так и в современной постсоветской России. Но, как известно, в науке, как и в других областях интеллектуального творчества, монополизм какой-либо идеи не является продуктивным явлением, он не способен привести к реальному прогрессу в рассматриваемой сфере.

Список литературы / References

- Аверкиева, Ю. П. (1971). Этнография и культурная / социальная антропология на Западе. *Советская этнография*. № 5. С. 9-16.
- Averkiewa, Yu. P. (1971). Ethnography and Cultural / Social Anthropology in the West. *Soviet ethnography*. no. 5.pp. 9-16. (In Russ.)
- Головнев, А. В. (2016). Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс). *Вестник Томского государственного университета. История*. № 4 (42). С. 61-67.
- Golovnev, A. V. (2016). Ethnocultural potential and multi-ethnicity (Russian angle). *Bulletin of Tomsk State University.History*.no. 4 (42). pp. 61-67. (In Russ.)
- Данакари, Р. А. (2015). *Этническое бытие (опыт философского и политического исследования)*. Волгоград. Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 348 с.
- Danakari, R. A. (2015). *Ethnic Being (Experience of Philosophical and Political Research)*. Volgograd. 348 p. (In Russ.)

Заринов, И. Ю. (2023). *Этносиэтничность. Ретроспективный взгляд на проблему*. М. 236 с.

Zarinov, I. Yu. (2023). *Ethnos and ethnicity. A retrospective look at the problem*. Moscow. 236 p. (In Russ.)

Научные статьи раздела Антропология [Электронный ресурс]. *SCI-ARTICLE*. URL: <https://sci-article.ru/gryps.php?i=antropologiya> (дата обращения: 15.08.2023).

Scientific articles of the section Anthropology [Online]. *SCI-ARTICLE*. Available at: <https://sci-article.ru/gryps.php?i=antropologiya> (Accessed: 15 August 2023). (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2021). Этнологическая модернизация в России и ее проявления в стратегических ориентирах государственной политики: парадигмальные основания и последствия. *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. М. ИНИОН РАН. Вып. 16. Ч. 1. 1146 с. С. 226-228.

Popkov, Yu. V. (2021). Ethnological modernization in Russia and its manifestations in strategic guidelines of state policy: paradigm foundations and consequences. In *Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook*. Moscow. pp. 226-228. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023а). «Почва» в этничности. Традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизм (постановка проблемы). *Новые исследования Тувы*. 2023. № 1. С. 137-153.

Popkov, Yu. V. (2023). "Soil" in Ethnicity. Traditions of Domestic Folk Studies in the Test of "Perestroika" and Postmodernism (Problem Setting). *New Researches of Tuva*. no. 1. pp. 137-153. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023б). Этносоциальные процессы в концептосфере Новосибирской научной этносоциологической школы. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 30. № 2. С. 14-23.

Popkov, Yu. V. (2023). Ethnosocial Processes in the Conceptosphere of the Novosibirsk Scientific Ethnosociological School. *Humanities in Siberia*. Vol. 30. no. 2. pp. 14-23. (In Russ.)

Тишков, В. А. (1994). Теория и политическая практика. *Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума. 18-20 апреля 1994 г.* Ч. 1. М. Информарт.

Tishkov, V. A. (1994). Theory and Political Practice. *Interaction of Political and National-ethnic Conflicts: Materials of the International Symposium. April 18-20, 1994*. Part 1. Moscow. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2001). *Этнология и политика. Научная публицистика*. М. Наука. 240 с.

Tishkov, V. A. (2001). *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*. Moscow. 240 p. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии*. М. Наука. 544 с.

Tishkov, V. A. (2003). *Requiem for Ethnos. Research in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow. 544 p. (In Russ.)

ТИШКОВ, В. А. (2016). От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 5-22.

Tishkov, V. A. (2016). From ethnos to ethnicity and after. *Ethnographic Review*. no. 5. pp. 5-22. (In Russ.)

Широкогоров, С. М. (1923). *Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. Шанхай. 134 с.

Shirokogorov, S.M. (1923). *Ethnos. Studies of the Basic Principles of Changing Ethnic and Ethnographic Phenomena*. Shanghai. 134 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Заринов Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Ленинский проспект, 32а, e-mail: izarinov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Zarinov Igor – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a, e-mail: izarinov@yandex.ru

The paper was submitted: 10.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023